

«СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ» ЧАРЛЬЗА РАЙТА МИЛЛСА: К 50-ЛЕТИЮ СО ВРЕМЕНИ ПУБЛИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена 50-летию со времени публикации книги Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение» (1959), принадлежащей сегодня к социологической классике.

Ключевые слова: Ч. Р. Миллс, история социологии, американская социология, социологическое воображение.

Abstract. The article is dedicated to the 50th anniversary since the publication of the book of C. Wright Mills «The Sociological imagination» (1959), which belongs to sociological classics.

Ключевые слова: C. Wright Mills, history sociology, american sociology, sociological imagination.

Пятьдесят лет тому назад один из самых неординарных социологов США Чарльз Райт Миллс опубликовал свою, ставшую впоследствии знаменитой, работу «Социологическое воображение» (Mills, C. Wright. **The Sociological Imagination.** – New York : Oxford University Press, 1959). Книга произвела большое, но далеко не однозначное впечатление на американское социологическое сообщество. Если несколькими годами ранее радикал Миллс выступил с резкой критикой американского общества в своей книге «Властвующая элита» (1956), то теперь объектом его критики стал сам американский «социологический истеблишмент». Под огонь уничтожающей и, заметим сразу, далеко не во всем справедливой критики попали такие видные социологи США, как Толкотт Парсонс и Пол Лазарсфельд, исследования которых воспринимались как высшие достижения социологической мысли того времени.

Почему это произошло? Как сотрудник одного из самых элитных научных центров США – Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета (Нью-Йорк) – стал ниспровергателем основ? И почему, несмотря на это, его книга «Социологическое воображение» принадлежит сегодня к классическому наследию социологической науки и входит в списки обязательной литературы для изучения студентами-социологами?

Итак, против чего протестует Миллс? Прежде всего он выступает против «Высокой теории» и «Абстрактного эмпиризма». Он обеспокоен тем, что если эти стили исследования станут доминирующими или вообще займут монопольное положение в интеллектуальной сфере, то они будут представлять серьезную угрозу социальным наукам. Миллс объявляет войну этим укореняющимся в американской социологии стилям научного исследования, принимая на себя роль борца за возвращение к классическим традициям.

Под «Высокой теорией» он подразумевает бесплодное формальное, оторванное от реальности и истории, теоретизирование, которое сводится к «умножению понятий и бесконечному манипулированию ими и, в конечном счете, является не более чем «неуклюжей высокопарной бессмыслицей» [1, с. 37].

В качестве наиболее яркого примера «Высокой теории» Миллс рассматривает известную работу Толкотта Парсонса «Социальная система» (1951), предлагая сократить этот чарующий свой «восхитительной непости-

жимостью» 555 страничный труд до 150 страниц, переведя его на «вразумительный английский язык». При этом он язвительно замечает, что представленная в книге Парсонса «Высокая теория» на 50 % является простым набором слов, на 40 % – выдержками из хорошо известных учебников по социологии, и лишь оставшиеся 10 % могут получить, хотя и довольно неопределенное, политическое применение. Более того, он берется изложить ее вообще всего в двух–трех фразах, а именно: «Нас спрашивают: каковы основы социального порядка? Ответ, по всей видимости, таков: общепринятые ценности» [1, с. 43, 63].

Миллс утверждает, что главный признак «Высокой теории» заключается в ее исходной ориентации на такой общий уровень рассуждений, который делает совершенно невозможным практическое наблюдение реальности. Основная проблема «Высокой теории» ему видится в оторванности от изучения конкретных проблем в их историческом и структурном контекстах, что в конечном итоге приводит к отказу от попыток «дать ясное описание и объяснение поведения человека и общества» [1, с. 46]. В частности, в отношении «Высокой теории» Парсонса он саркастически заявляет, что «если в ней и есть что-либо «систематическое», так это систематическое избегание любой конкретной эмпирической проблемы» [1, с. 62].

Окончательный приговор Миллса суров: «Высокая теория» «представляется скорее бесплодной игрой в понятия, чем попыткой систематически, то есть ясно и последовательно, определять насущные проблемы и направлять усилия на их решение» [1, с. 46].

Очевидно, что это несколько упрощенный, но в то же время не лишенный основания подход к творчеству видного американского социолога. Труд Парсонса действительно отличался весьма сложным, нарочито наукообразным языком и еще более сложными абстрактными теоретическими конструкциями, что создавало сложности для его восприятия даже весьма подготовленными профессиональными социологами. Коллега Парсонса по Гарварду Джордж Хоманс, в принципе, с уважением к нему относившийся, как-то заметил, что подобные теории обладают всеми достоинствами, за исключением способности что-либо объяснить. Действительно, представляется весьма затруднительным, если не сказать совершенно невозможным, использовать теоретические положения парсоновской системы в прикладном социологическом исследовании.

Между прочим, как ни парадоксально, критика Миллса сыграла некоторую позитивную роль в популяризации теории Парсонса. Как не без иронии заметил Джордж Ритцер, «фактически многим социологам более знакома критика Миллса, чем подробности творчества Парсонса» [2, с. 86].

Под огонь жесткой критики Миллса попал и другой мэтр тогдашней американской социологии, к тому же его прямой начальник, руководитель знаменитого Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета Пол Лазарфельд. Миллс обвинил его, а также других лидеров американской прикладной социологии в «Абстрактном эмпиризме», а именно в склонности заниматься мелочами и культивированием метода ради самого метода. В качестве примера Миллс ссылаясь на известное исследование президентских выборов 1940 г. в Эри Каунти, штат Огайо, описанное Лазарфельдом в книге «Народный выбор» (1948), а также на исследование Сэмюэла Стауффера «Американский солдат» (1949).

Миллс утверждает, что «Абстрактный эмпиризм» не заслуживает того признания, которым он пользуется, поскольку, абсолютизируя метод и тем самым предполагая «методологическое самоограничение», не формулирует какие-либо содержательные теории и выводы. По его мнению, абсолютизация метода препятствует рассмотрению важнейших проблем современности, волнующих человека и общество.

«Абстрактный эмпиризм» вкупе с новым практицизмом опасен, по мнению Миллса, еще и тем, что ведет к развитию особого бюрократического стиля в науке. По его мнению, он неизбежно приводит к стандартизации и рутинизации исследовательских процедур и, как следствие, к «бюрократизации» социального познания. Все это заканчивается формированием научных работников с особым типом сознания, которые готовы служить своим заказчикам, т.е. тем, кто оплачивает, как правило, дорогостоящие исследования. Отсюда следует неутешительный, но во многом справедливый вывод Миллса о том, что «обществоведы становятся интеллектуально все менее мятежными и все более административно практичными... усердно служат коммерческим и корпоративным целям в информационной и рекламной индустрии» [1, с. 115].

Кроме того, обе школы и «Высокая теория» и «Абстрактный эмпиризм» обвиняются Миллсом в антиисторичности. Он язвительно замечает, что «магическое устранение конфликта и чудесное достижение гармонии лишают «систематическую» и «общую» теорию возможности иметь дело с социальными изменениями, то есть с историей... «Высокой теории» вообще недоступны какие-либо систематические представления о действительном ходе истории, о ее механике и процессах» [1, с. 56]. В качестве же доказательства антиисторизма «Абстрактного эмпиризма» он приводит цитату из статьи Лазарсфельда «Что такое социология?» (1948), в которой тот утверждает, что в социальных исследованиях «явный упор делается на изучении современных, а не исторических общественных событий» [1, с. 77]. Миллс усматривает в этом «эпистемологический крен», противоречащий постановке насущных проблем, которые являются ориентирами для научного изучения общества.

Для Миллса союз истории и социологии был важной методологической установкой. Последовательно отстаивая традиции классической социологии, он утверждал, что «история является стержнем обществоведения» [1, с. 165]. Ученый был абсолютно убежден в том, что каждое хорошо продуманное социальное исследование требует исторической концептуализации и максимально полного использования исторических материалов. Вывод, к которому он пришел, на основе серьезного анализа причин тесной связи между историей и социологией, таков: «...никакая общественная наука не может выйти за пределы истории. Вся социология достойна называться «исторической социологией» [1, с. 168]. С этой точки зрения, по его мнению, социологию необходимо рассматривать как историческую дисциплину. Поскольку социолог, как, на его взгляд, верно выразился Пол Суизи, пытается записывать «настоящее как историю», он должен быть погружен в историю, свободно оперировать историческим материалом. Только это обеспечивает понимание исторического многообразия типов человеческого общества и социальных структур, как исторических, так и современных.

В итоге Миллс глубоко разочарован как «Высокой теорией», так и «Абстрактным эмпиризмом». Первое направление он считает «формальным и туманным обскурантизмом», фетишизирующим понятия, а второе – «формальной и пустопорожней изошренностью», фетишизирующей метод [1, с. 92]. Обе эти научные школы, как рассадники догматизма, паразитирующие на классической традиции общественных наук, согласно Миллсу, пропитаны «бюрократическим духом». Полагая, что это путь в никуда, Миллс констатирует моральный, научный, политический и интеллектуальный кризис общественных наук.

Выход из сложившегося кризиса он видит в возвращении к классическому наследию, которое, по мнению Миллса, избежало крайностей «Высокой теории» и «Абстрактного эмпиризма». Он убежден в том, что, следуя классической традиции, обществовед-аналитик избегает устанавливать жесткие процедуры, стремясь развивать и использовать в своей работе «социологическое воображение». Таким образом, «социологическое воображение» выступает как альтернатива «Высокой теории» и «Абстрактному эмпиризму». Миллс сам указывал на это, отмечая в качестве причины введения в научный оборот данного термина потребность аргументации критики указанных социологических школ. При этом он рассчитывал на его благожелательное восприятие коллегами, ссылаясь на то, что после прочтения рукописи некоторые политологи заговорили о «политическом воображении», а антропологи – об «антропологическом воображении» и т.д. [1, с. 29]. Впрочем, следует отметить, что аналогичный термин «историческое воображение» наряду с терминами «историческое мышление» и «историческое сознание» использовал почти двумя десятилетиями ранее английский историк Робин Джордж Коллингвуд (1889–1943) в своей книге «Идея истории» (1946) [3, с. 220].

Что представляет собой концепция «социологического воображения»? Это плод научного творчества и новаторства Миллса. В основе концепции лежит идея о том, что индивид может осмыслить свой жизненный опыт только в контексте своего времени и своего общества. Миллс считал, что индивидуальную судьбу творит история, которая складывается из миллионов личных биографий, утверждая: «Общественная наука имеет дело с биографиями, историей и их пересечениями в социальных структурах. Эти три измерения – биография, история и общество – составляют систему координат для объективного изучения человека» [1, с. 165]. Согласно Миллсу, только посредством социологического воображения человек может понять, «что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества» [1, с. 16]. С этой точки зрения социологическое воображение выступает наиболее плодотворной формой самосознания современного человека.

Обнаружим, кстати, насколько подход Миллса близок взглядам пионера российской социологии Николая Ивановича Кареева, который больше чем за полстолетия до него провозгласил: «Личность, общество и их история – вот три понятия, сблизившие между собой отдельные социальные науки и придавшие им действительно гуманитарный характер» [4, с. 28]. Впрочем, конечно же, Миллс не был знаком с творчеством нашего соотечественника, иначе он, очевидно, включил бы его в ряд приверженцев союза истории и социологии, наряду с Контом, Дюркгеймом, Вебером и некоторыми другими.

Так в чем же суть концепции социологического воображения Миллса? Он полагал, что значение социологического воображения состоит в возмож-

ности различать «личные трудности» и «общественные проблемы». По его мнению, составляющие содержание повседневной жизни человека «личные трудности» определяются характером индивида и его отношениями с другими людьми. Осознание и преодоление этих трудностей не выходят за рамки компетенции индивида, т.е. до некоторой степени доступны его сознательному воздействию.

«Общественные проблемы», напротив, обусловлены социальной структурой и выходят за пределы непосредственного окружения индивида и его внутренней жизни. Они не поддаются индивидуальному контролю.

Согласно Миллсу, социологическое воображение заключается в том, чтобы воспринимать личные трудности в контексте общественных проблем. По его мнению, социологическое воображение присуще всем тем, кто воспринимает факты личной биографии через призму развития общества. Он убежден, что только «тот, кто обладает социологическим воображением, способен понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей» [1, с. 13]. Миллс утверждает, что «социологическое воображение дает возможность постичь историю и обстоятельства отдельной человеческой жизни, а также понять их взаимосвязь внутри общества» [1, с. 14].

В чем же значение книги Ч. Р. Миллса для современной социологии? Время, безусловно, внесло свои существенные коррективы, поскольку значительно модернизировалось и продвинулось вперед само социологическое знание. В связи с этим во многом утратила свою актуальность и остроту бескомпромиссная критика Миллсом «Высокой теории» и «Абстрактного эмпиризма». Но задумается, возможно ли само развитие социологической науки, впрочем, как и любой другой, без критического осмысления осуществившихся научных достижений? Не является ли подобный критический подход необходимым условием развития науки, а именно, движением вперед через критическое осмысление достигнутого? Вспомним любимый девиз Карла Маркса – «Подвергай все сомнению!». Миллс дает нам урок столь необходимого критического отношения к любым научным авторитетам и школам, сколь бы ни был весом их вклад в развитие науки. Именно такая научная бескомпромиссность, способствует продвижению науки вперед.

Миллс дает также урок твердого отстаивания принципов творческого научного исследования, верности своей профессии. Он учит самоотверженному и преданному отношению к науке, ибо сам убежден в том, что «научная работа – это выбор не только карьеры, но и жизненного пути» [1, с. 222–223]. На страницах своей книги он создает образ социолога как интеллектуального ремесленника, при этом слово «ремесленник» у него является синонимом высокого профессионального мастерства, уроки которого он дает начинающим социологам.

Будущим мастерам своего дела он рекомендует развивать и применять социологическое воображение, отстаивая приоритет индивидуального исследователя как самостоятельного теоретика и методолога, обладающего своей личной позицией, заявляя: «Каждый сам себе методолог!» [1, с. 143]. Ученый предлагает строить любые формальные теории и модели, подробно изучая не только статистические факты и взаимосвязи между ними, но и уникальные исторические события, пытаясь охватить всю историческую эпоху. При этом

он предупреждает о необходимости постоянно пересматривать взгляды на проблемы истории, биографии и социальной структуры.

Заметим, что сам Миллс заплатил высокую цену за свою бескомпромиссную научную позицию, противопоставившую его большинству влиятельных членов американского социологического сообщества. Вызов академическому сообществу не прошел ему даром. При жизни он фактически был изгоем в научной среде. Его постоянно преследовали жесткая критика и непонимание коллег. Достаточно назвать разгромную рецензию Эдварда Шиллза на его «Социологическое воображение» под названием «Воображаемая социология» [1, с. 6].

По свидетельству биографа Миллса Ирвинга Горовица, он был чужаком среди своих коллег и, сознавая это, заявлял: «Я чужеземец, и не только географически, но по своей сути, и это навсегда». Джордж Ритцер, комментируя это высказывание, констатировал, что радикализм Миллса отодвинул его на периферию американской социологии, он был отчужден от своих коллег и скончался будучи «изгнанником в социологии» [2, с. 87]. Видимо, сам Миллс тонко ощущал и глубоко переживал это. На его могиле выбита эпитафия со словами известного британского ученого Ральфа Милибэнда, с которых начинался первый параграф последней книги Миллса «Марксисты» (1962): «Я пытался быть объективным. Но я не претендую на исключительность».

Однако прошло совсем немного времени, и концепция социологического воображения Миллса была воспринята научным социологическим сообществом, возведя его тем самым в пантеон так жестко критикуемых им лидеров американской и мировой социологии. Показательно, что, согласно проведенному в 1997 г. опросу членов Международной социологической ассоциации, «Социологическое воображение» Ч. Р. Миллса было признано книгой, оказавшей самое большое воздействие на социологическую мысль XX в. после «Экономики и общества» (1922) Макса Вебера.

Сегодня солидарность с концепцией социологического воображения Миллса демонстрируют такие влиятельные и известные социологи, как Энтони Гидденс, Зигмунт Бауман, Петр Штомпка и др.

Развивая идеи Миллса, британский социолог Э. Гидденс подчеркивает, что «социологическое воображение прежде всего предполагает способность «отстраниться» от привычной рутины нашей повседневной жизни, чтобы взглянуть на нее по-новому» [5, с. 34]. Так, за простой чашечкой кофе для человека с социологическим воображением может скрываться не только символическое значение одного из ежедневных ритуалов, но стоять целая система сложных социальных и экономических отношений, охватывающих весь мир и включающих процессы производства, доставки, продажи и потребления кофе.

Согласно Гидденсу, для развития социологического воображения чрезвычайно важно антропологическое направление, позволяющее увидеть калейдоскоп форм организации социальной жизни. Он полагает, что, сравнивая их с собственной жизнью, мы больше узнаем об уникальных особенностях нашего собственного поведения.

Кроме того, столь же фундаментально историческое направление социологического воображения, поскольку, по мнению Гидденса, мы можем постичь особую природу нашего современного мира только в том случае, ес-

ли сравним его с прошлым. Прошлое ученый образно сравнивает с зеркалом, глядя в которое, социолог может понять настоящее.

И все-таки Гидденс уверен, что основной упор Миллс делал на другом аспекте социологического воображения, а именно, на наших возможностях в будущем. Он утверждает, что социология не только помогает нам анализировать существующие типы социальной жизни, но также позволяет увидеть «возможное будущее», открытое для нас. Свободное стремление социологической мысли, по мнению Гидденса, дает возможность проникнуть не только в суть того, что происходит, но и что может произойти, если мы станем действовать каким-либо образом. Его вывод таков: «Наши попытки воздействовать на будущее окажутся тщетными, если они не будут базироваться на развитии социологическом понимании существующих тенденций» [5, с. 35].

Взглядам Гидденса близки мысли известного польского социолога Петра Штомпки, который под социологическим воображением понимает «способность распознавать и чувствовать взаимосвязь всего, что происходит в социальной жизни, со всеми структурными, культурными и историческими условиями и предпосылками, а также с действиями, предпринимаемыми в этих условиях отдельными или коллективными социальными субъектами, образующими в конечном итоге социум (общество) во всей его сложности и многосторонности» [6, с. 35–36]. Потребность в социологическом воображении или в том, чтобы общество само себя осознало, по мнению Штомпки, является своего рода императивом, принятом в каждом обществе, при любом строе и укладе, но она неизмеримо возрастает в демократическом обществе, в котором гражданские действия гораздо сильнее сказываются на судьбах всех вместе и каждого в отдельности. Штомпка полагает, что исходной точкой формирования социологического воображения является овладение каноническими понятиями, получившими широкое признание. «Чтобы дать простор социологическому воображению, надо прежде всего научиться мыслить и говорить социологическим языком», – заключает он [6, с. 37].

Штомпке вторит видный британский социолог польского происхождения Зигмунт Бауман, призывая «мыслить социологически». Свой призыв Бауман трактует вполне в духе Миллса – как необходимость постоянно сравнивать наш личный опыт с судьбой других людей, «увидеть социальное в индивидуальном, общее в частном», понимать «как наши индивидуальные биографии переплетаются с историей, которую мы разделяем с другими людьми» [7, с. 16]. Результатом этого явится, по Бауману, возможность «раскрыть тесную связь между индивидуальной биографией и более общими социальными процессами, которые не всегда осознаются индивидом и которые отдельный индивид наверняка не способен контролировать» [7, с. 19]. Для этого, как полагал Бауман, необходимо преодолеть стереотипы так называемого «здравого смысла», а именно, отойти от кажущейся самоочевидности предписаний рутинной, монотонной природы повседневной жизни, ее привычности и узнаваемости, взглянув на нее с социологической точки зрения. Искусство мыслить социологически, по его мнению, подталкивает к переоценке нашего опыта, обнаружению разнообразных способов его интерпретации, что делает нас более критичными и вместе с тем более понимающими мир и окружающих нас людей. Бауман утверждает: «Искусство социологического мышления ведет к увеличению объема и практической эффективности нашей с вами свободы» [7, с. 22]. Согласно Бауману, индивидом, освоившим и при-

меняющим это искусство, уже нельзя просто манипулировать, поскольку оно сопротивляется насилию и регулированию извне, тем силам, с которыми, как до сих пор считалось, бороться бесполезно.

Таким образом, выдающиеся социологи современности единодушны в признании значения социологического воображения. Для них, как и для Миллса, оно инструмент и признак высокого качества профессионального мастерства, требующий столь же высокой моральной ответственности исследователя. Обладание им – необходимое требование для каждого ученого-социолога.

Краткая биографическая справка

Чарльз Райт Миллс

Чарльз Райт Миллс (Charles Wright Mills) родился 28 августа 1916 г. в Уэйко, штат Техас, в семье, принадлежащей к среднему классу. Отец – страховой агент, мать – домохозяйка.

В 1920 г. семья переезжает в Даллас. После окончания школы в 1934 г. Миллс поступил в Техасский аграрный и механический университет. Однако уже через год он перевелся в университет штата Техас в Остине, где начал изучать социологию. В 1939 г. после окончания университета переехал с женой Дороти Хэлен Смит (женится в 1937 г.) в Мэдисон в Университет Висконсина, где в 1941 г. под руководством Говарда Беккера защитил докторскую диссертацию «Социологические основания прагматизма: исследование в области социологии знания».

С 1945 г. Миллс – сотрудник Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета (Нью-Йорк), руководимого Полем Лазарсфельдом. С 1956 г. – профессор того же университета.

Миллс был три раза женат, имел двух дочерей Памеллу и Катрин и сына Николаса.

Скоропостижно скончался от сердечного приступа в Вест Найэке, штат Нью-Йорк, 20 марта 1962 г. на 46-м году жизни.

Основные работы: «Новый человек во власти: лидеры американских трудящихся» (1948), «Белый воротничок: американские средние классы» (1951), «Властвующая элита» (1956), «Социологическое воображение» (1959).

Список литературы

1. **Миллс, Ч. Р.** Социологическое воображение / Ч. Р. Миллс. – М. : Стратегия, 1998. – 264 с.
2. **Ритцер, Дж.** Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.
3. **Коллингвуд, Р. Дж.** Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – М. : Наука, 1980. – 486 с.
4. **Кареев, Н. И.** О сущности гуманитарного образования / Н. И. Кареев // Историко-философские и социологические этюды. – СПб., 1895. – 300 с.
5. **Гидденс, Э.** Социология / Э. Гидденс. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
6. **Штомпка, П.** Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
7. **Бауман, З.** Мыслить социологически / З. Бауман. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 255 с.

Попов Александр Сергеевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии,
Пензенский государственный
педагогический университет
им. В. Г. Белинского

E-mail: alexpopov@live.ru

Popov Alexander Sergeevich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of political
sciences, Penza State Pedagogical
University named after V. G. Belinsky

УДК 316.2(09)

Попов, А. С.

«Социологическое воображение» Чарльза Райта Миллса: к 50-летию со времени публикации / А. С. Попов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 3 (11). – С. 41–49.